

Лето выдалось жарким — воздух дрожал над асфальтом, и даже в тени было душно. Хэ Ян решил сделать дома мороженое. Формочки были разными: сердечки, звёздочки, зайчики — сладкая смесь заливалась в них, а потом всё это застывало в холодильнике, источая запах ванили и свежего молока. Сюаньсюань притащил маленькую табуретку и уселся у холодильника, терпеливо дожидаясь, когда же можно будет попробовать. Его маленькие пальчики нетерпеливо постукивали по белому боку, а глаза так и бегали от замёрзших формочек к дверце. Каждый раз, когда Хэ Ян открывал холодильник, оттуда вырывалось облако холодного воздуха, и Сюаньсюань, жмурясь от удовольствия, подставлял лицо под эту свежесть. Ну и обжора же этот ребёнок.

Хэ Ян ушёл на балкон снимать бельё и не услышал звонка в дверь. Он собрал простыни, которые стирал с утра, занёс их в комнату, а когда вышел, увидел какое-то грязное, непонятное существо. Только когда это существо широко улыбнулось, сверкнув белыми зубами на загорелом лице, Хэ Ян понял, кто это. Лу Тинфэн?!

Лу Тинфэн, оказывается, уже успел научиться вытирать пот со лба рукавом. Он подхватил большой арбуз — тёмно-зелёный, с жёлтым бочком, который, наверное, долго выбирал, — и направился на кухню. Арбуз был тяжёлым, и Лу Тинфэн нёс его, слегка согнувшись, чтобы не уронить. Когда он поставил его на стол, раздался глухой, увесистый стук.

Через пять минут, чувствуя себя как дома, он нарезал арбуз ровными ломтиками. Нож глухо стучал по разделочной доске, сок капал на столешницу, а в комнате разлился свежий, сладкий аромат лета. Красная мякоть блестела на свету, чёрные семечки разбегались в стороны, и Лу Тинфэн, нарезаая, то и дело смахивал капли с пальцев. Он выложил дольки на блюдо и вынес в комнату.

В центре красовался кусочек, вырезанный в форме сердечка. Лу Тинфэн так старательно выводил его контуры, что уголки губ у него сами ползли к ушам. Он с надеждой уставился на Хэ Яна, затаив дыхание. Это сердечко, конечно же, предназначалось ему, но тут он забыл про маленького обжору. Сюаньсюань схватил ту самую заветную дольку и без тени сомнения отправил её в рот, довольно причмокивая:

— Вкусно! Сладко!

Сынок, это твой папа собственноручно вырезал, могло ли быть иначе?

Хэ Ян к арбузу даже не притронулся. Он открыл холодильник, достал мороженое и с наслаждением принялся его есть, прикрыв глаза от удовольствия.

Сюаньсюань, который только что с таким аппетитом уплетал арбуз, тут же потерял к нему интерес. Он бросил недоеденную дольку — ту самую, которую его отец с таким старанием вырезал в форме сердца, — прямо в мусорное ведро. Долька упала на дно с лёгким, почти невесомым шлепком, и Сюаньсюань, уже не глядя на неё, подбежал к Хэ Яну:

— Папа, я тоже хочу!

Лу Тинфэн потерял дар речи, но, к счастью, у парня всё-таки совесть проснулась — он попросил у отца ещё одно мороженое и протянул его Лу Тинфэну.

Втроём они уселись перед телевизором, смотрели мультики и лакомились мороженым. Правда, Лу Тинфэну пришлось довольствоваться маленькой табуреткой. Его длинные ноги неловко подгибались, но он даже не думал жаловаться.

Сюаньсюань, съев половину, слез с дивана и потопал в ванную. Лу Тинфэн, наслаждаясь прохладой, чувствовал, как уходит дневная усталость. И тут Сюаньсюань вернулся с маленьким полотенцем в руках — мягким, с нарисованным медвежонком, пахнущим детским мылом, — подбежал к нему, встал на цыпочки и принялся вытирать с его лица грязь и пот. Маленькие пальчики старательно водили по щекам, по лбу, задевали нос, и Лу Тинфэн боялся даже дышать, чтобы не спугнуть это мгновение. Тёплая, чуть влажная ткань скользила по коже, а Сюаньсюань сопел, старательно выводя круги, и кончик его языка то и дело высывался от усердия.

И Хэ Ян, и Лу Тинфэн замерли в изумлении. Хэ Яна сын уже баловал таким вниманием, но чтобы он сам, без напоминания, подошёл к Лу Тинфэну вытирать лицо — такого он не ожидал. А Лу Тинфэн от этого неожиданного проявления заботы едва не потерял самообладание: сердце его сжалось, в горле встал комок. Он смотрел на этого маленького человечка, который старательно вытирал его лицо своим полотенцем, и не мог вымолвить ни слова.

— Дядя, ты грязный. Я тебя вытру, — прозвенел тоненький голосок, и каждое слово отдавалось в самом сердце Лу Тинфэна.

Тысяча чувств нахлынула на него. Он впервые становился отцом, и словами не передать, что он сейчас испытывал. Радость, счастье — но больше всего вину перед ними обоими. Сколько он упустил, сколько моментов, подобных этому, прошли мимо?

Он прижал Сюаньсюаня к себе, чувствуя тепло маленького тельца, лёгкий вес детского тела. От мальчика пахло молоком и чем-то ещё — тем самым, родным, от чего перехватывало дыхание. Сюаньсюань, не понимая, что происходит, обнял его в ответ, и Лу Тинфэн замер, боясь пошевелиться. Как хорошо, что ещё не поздно. Даже если в конце концов у них с Хэ Яном ничего не выйдет, эта связь уже стала частью его души. Если не они, то он больше никогда не женится.

В последующие дни Лу Тинфэн как заведённый ходил на работу, возвращался и отправлялся к Хэ Яну. Он знал, что Хэ Яну не нравится, когда он мелет чепуху, поэтому о многом предпочитал умалчивать.

В бухгалтерии работала девушка по имени Цзян Ин, двадцати пяти лет, с круглым лицом и вечно горящими глазами. Она носила лёгкие, летящие платья и всегда пахла цветочными духами — запах появлялся задолго до того, как она входила в комнату. Ей очень нравился такой мужчина, как Лу Тинфэн. Чтобы чаще быть с ним рядом, она искала любые предлоги: подносила воду, подсаживалась за обедом, угощала фруктами, приносила домашние вкусности.

Шаги её были лёгкими, быстрыми, и она всегда появлялась неожиданно, словно выскакивая из-за угла. Каждый, у кого были глаза, видел, что это она бежит за парнем, а Лу Тинфэн, конечно, догадывался, но не отказывал — смотрел на Хэ Яна, ожидая, не дрогнет ли его лицо.

Но Хэ Ян не только не ревновал, но и сам подсказывал Цзян Ин, как лучше привлечь его внимание, придумывал разные хитрости. Он подбадривал её, советовал, какую косметику лучше использовать, какие фразы говорить. Лу Тинфэн, видя это, едва сдерживал ярость.

Он решил сразу расставить все точки над «i» и выложил Цзян Ин всё начистоту, предложив ей не тратить на него время — у него есть тот, кто занял его сердце.

Цзян Ин никогда раньше не влюблялась, опыта у неё не было, и сдаваться она не собиралась. К тому же Хэ Ян подсказал: раз он говорит, что у него есть кто-то на сердце, значит, хочет, чтобы ты отстала. Вот именно сейчас нельзя отступать, надо показать ему, как сильно ты его любишь.

Цзян Ин с Хэ Яном быстро подружилась, поэтому словам его верила. Она продолжала упорно добиваться Лу Тинфэна, пристав к нему как банный лист. Она появлялась рядом в обед, ждала после работы, звонила вечерами — и всё это с горящими глазами и непоколебимой верой в успех.

Лу Тинфэн, выведенный из терпения, после работы отловил Хэ Яна и при нём ещё раз объяснился с Цзян Ин. Он говорил, не сводя глаз с Хэ Яна, надеясь увидеть хоть какой-то отклик.

— Цзян Ин, я уже говорил, у меня есть любимый человек. Не надо так, хорошо?

— Не верю! — воскликнула девушка, топнув ногой. Её каблук звонко стукнул о пол, и она, слегка надув губы, упрямо вздёрнула подбородок. — Тинфэн, ты мне очень нравишься. Я и готовить, и стирать, и с детьми сидеть умею. Ну подумай обо мне.

Упрямая девушка. Лу Тинфэн вздохнул, чувствуя, как внутри всё кипит.

— У меня уже есть ребёнок. Сыну три года. Найди себе другого, я тебе не пара.

— Что? У тебя есть сын? — опешила Цзян Ин. — Я и не заметила. Ты такой молодой, а уже женат? И сыну три года?

Лу Тинфэн смотрел на Хэ Яна. Его слова были обращены к девушке, но на самом деле предназначались ему. Он ждал. Хоть чего-то. Усмешки. Взгляда. Но Хэ Ян стоял, скрестив руки на груди, и смотрел куда-то в сторону, словно это его не касалось.